

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВОСУДИИ¹

ЕВСЕЕВ А. П.

Евсеев Александр Петрович — кандидат юридических наук, доцент Департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (apevseyev@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0697-0086.

Аннотация

В статье раскрываются основные элементы процессуального статуса обвиняемого в органах международного уголовного правосудия. Подчеркивается необходимость изучения указанного статуса в совокупности с криминологическим понятием «личность преступника»: проведение такого исследования заметно обогатит доктрину международного уголовного права и поможет преодолеть разрыв, наметившийся между международным правом и науками уголовно-правового цикла. Делается вывод об особом характере права на справедливое судебное разбирательство, которое в международном уголовном правосудии обладает существенными особенностями в сравнении с конвенционным правом. Особое внимание уделено праву обвиняемого защищать себя лично. Отмечается, что если во внутригосударственном уголовном процессе оно считается чем-то само собой разумеющимся, то с учетом специфики разбирательств в международных судах и трибуналах — их громоздкостью, значительным числом допрашиваемых свидетелей и т. д. — данное право может вырождаться в свою противоположность, превратившись из процессуальной гарантии в средство злоупотребления со стороны обвиняемого. В целом в статье резюмируется необходимость учета индивидуальных особенностей обвиняемого, что позволит более корректно решить вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по международному праву.

Ключевые слова

обвиняемый, международное уголовное правосудие, справедливое судебное разбирательство, право защищать себя лично, пределы судебного познания

Для цитирования: Евсеев А. П. Процессуальное положение обвиняемого в международном уголовном правосудии // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. Т. 1. № 4. С. 75–91.

<https://doi.org/10.17323/jil.2023.19804>

Введение

Цель настоящей статьи состоит в уяснении базовых элементов процессуального положения обвиняемого в международных уголовных судах и трибуналах, сопоставлении этих элементов с правами, гарантированными в конвенционном праве, а также в изучении права защищать себя лично и его понимания органами международного уголовного правосудия. Исследование проведено с использованием общенаучных методов познания, в частности анализа и синтеза, а также сравнительно-правового, историко-правового и формально-догматического методов.

Вопрос о пределах исследования личности международного преступника в судебном заседании принадлежит к числу тех, которые, несмотря на их практическую важность и теоретическое значение, менее всего разработаны в международном праве. Уделяя значительное внимание обвиняемому, обеспечивая его права на различных этапах расследования и судебного разбирательства², международное уголовное право в то же время не дает каких-либо определенных указаний относительно должных пределов изучения личности обвиняемого и тех его индивидуальных свойств и особенностей, которые могут иметь значение для суда, решающего вопрос о виновности и определяющего меру наказания. И хотя в Римском статуте Международного уголовного суда (далее — МУС) содержатся отдельные указания по этим вопросам, они носят разрозненный характер. Например, Римский статут указывает на необходимость принимать во внимание личность осужденного при определении меры наказания (статья 78(1)), в частности индивидуальные обстоятельства лица, признанного виновным, при назначении ему наказания в

¹ Настоящая статья является продолжением материала, опубликованного нами ранее. См.: Евсеев А. П. *Личность международного преступника (по материалам Нюрнбергского и иных судебных разбирательств)* // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. Т. 1. № 1. С. 77–91.

² См., напр.: Черниченко С. В. *Статус подсудимых в международных судебных органах* // Советское государство и право. 1971. № 7. С. 63–68; Мезяев А. Б. *Защита прав обвиняемых в современном международном уголовном процессе: актуальные вопросы теории и практики*. Казань : Ун-т управл. «ТИСБИ», 2014. С. 396 и др. Из англоязычных работ см.: Elberling B. *The Defendant in International Criminal Proceedings*. L. : Hart Publ., 2012. P. 250.

виде пожизненного лишения свободы (статья 77(1)(b)), а также устанавливает минимальный возраст лица (18 лет), подпадающего под юрисдикцию МУС в случае совершения международных преступлений (статья 26), перечисляет основания для освобождения такого лица от уголовной ответственности (статья 31) и т. д.

Однако эти нормы рассеяны по тексту статута МУС и отчасти — по тексту Правил процедуры и доказывания (например, Правило 145), и потому всегда существует риск самых широких колебаний в деятельности того или иного органа международного уголовного правосудия, приводящих как к чрезмерному сужению судебной перспективы, так и к загромождению ее обстоятельствами, к делу не относящимися, а потому бесполезными. «В целях наиболее успешной деятельности судьи, — писал процессуалист М. М. Гродзинский, — внимание последнего должно останавливаться лишь на существенных моментах каждого дела, не отвлекаясь посторонними обстоятельствами и несущественными деталями; но в то же время судебное исследование не должно быть заключено в слишком тесные рамки, следствием чего у судьи легко может получиться неполное и одностороннее, а потому и неправильное представление о деле»³. Эти слова, сказанные более ста лет тому назад в отношении внутрисударственного уголовного процесса, вполне справедливы и в отношении международного уголовного процесса дня сегодняшнего.

В самом деле, имеет ли значение для правильного разрешения дела тот факт, что обвиняемый Р. Караджич, бывший президент Республики Сербской, писал стихи, в которых предсказывал реки крови, которые потекут по Сараеву?⁴ Или, например, то, что во время падения Сребреницы летом 1995 года начальник штаба войска Республики Сербской Р. Младич выкроил время, чтобы посетить свадьбу сослуживца, продемонстрировав тем самым, как утверждала Прокуратура Международного трибунала по бывшей Югославии (далее — МТБЮ), безразличие к судьбам людей, которых в тот момент убивали по его же приказу?⁵ Все эти вопросы носят отнюдь не праздный характер, поскольку могут непосредственно влиять и на позицию стороны обвинения, и на итоговое решение по существу дела.

Исследуемая проблема имеет еще один аспект, которому в доктрине также не уделяется должного внимания. Речь идет о стратегиях поведения в зале судебного заседания, избираемых обвиняемым и его защитой. Эта проблема ставилась в литературе применительно к поведению участников разбирательства, стоящих на противоположных процессуальных позициях, в Международном Суде⁶, но в отношении международного уголовного правосудия она практически не затрагивалась, за исключением работ А.Б. Мезяева, наблюдавшего процесс против С. Милошевича непосредственно в зале суда в Гааге, а затем работавшего в команде защитников упомянутого выше Р. Младича⁷.

И хотя обозначенная проблематика явно обделена вниманием ученых, тем не менее специалисты хорошо знают, что поведение предполагаемого преступника в ходе рассмотрения выдвинутых против него обвинений в международном суде создает определенную атмосферу, которая может не только оказать непосредственное влияние на темпы и качество прохождения дела, но и во многом определить его исход. Более того, отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия судебного состава с обвиняемым, накладывают свой отпечаток не только на участников судебного разбирательства, но также на публику и СМИ, освещающие данный процесс. Так, негативное восприятие общественностью процесса против С. Милошевича в какой-то мере было обусловлено ярко выраженными неприязненными отношениями между обвиняемым и председательствующим в судебном заседании. Свидетельством этому может служить следующий диалог:

Судья Мэй: Господин Милошевич, настало время для ваших переводчиков сделать перерыв.

Обвиняемый: Окей. Я был бы рад выпить чашечку кофе во время перерыва.

Судья Мэй: Отложим заседание на 20 минут.

³ Гродзинский М. М. *Судебное исследование личности обвиняемого по действующему праву* // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 8. С. 25.

⁴ См.: Шарый А. *Трибунал*. М.: Права человека, 2003. С. 112–115.

⁵ Stolk S. *A Sophisticated Beast? On the Construction of an 'Ideal' Perpetrator in the Opening Statements of International Criminal Trials* // *European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29. № 3. P. 687.

⁶ См.: Каламкарян Р. А. *Поведение сторон на стадии открытия международного судебного производства* // Государство и право. 1997. № 3. С. 98–111; он же. *Поведение сторон на стадии ведения международного судебного производства* // Там же. 1997. № 4. С. 70–82.

⁷ См.: Мезяев А. *Процесс против С. Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда*. Кн. 1. Обвинительная часть. Казань: Титул-Казань, 2005.

Обвиняемый: Полчаса.

Судья Мэй: 20 минут⁸.

Впрочем, не стоит впадать в другую крайность и превращать процессуальный конфликт в бытовой, ведь определенное поведение подсудимого может иметь важные правовые последствия. Например, признание им своей вины влекло в МТБЮ безусловное прекращение судебного разбирательства и переход к определению меры наказания. Аналогичная процедура, правда, с некоторыми оговорками, предусмотрена в Римском статуте МУС (статья 65). Нежелание обвиняемого пойти на сделку со следствием, напротив, приводит к разворачиванию полномасштабного судебного разбирательства, которое может затянуться на долгие годы, особенно если он ведет себя вызывающе, злоупотребляет процессуальными правами и т. д. По этой причине анализ поведения международного преступника в зале суда представляет собой актуальную проблему, находящуюся на стыке психологии и процессуального права, которая нуждается в углубленной научной разработке.

В завершение отметим, что в нашей предыдущей работе была представлена классификация международных преступников, проведенная с криминологических позиций. В частности, были определены такие виды преступников, как политик-манипулятор, «жертва обстоятельств», бюрократ, «человек долга», садист, извлекатель прибыли⁹. Данная работа идет дальше: в ней ставится вопрос о том, как тот или иной преступный тип ведет себя непосредственно в зале суда. Можно ли, например, утверждать, что преступник, относящийся к категории «жертва обстоятельств», будет покладист и тих, тогда как, скажем, политик-манипулятор всякий раз будет отстаивать свои идеи с боем?

Все эти вопросы представляются чрезвычайно интересными как в чисто познавательном, так и процессуальном плане, а потому их исследованию и посвящена настоящая статья.

1. Право на справедливое судебное разбирательство в контексте процессуального положения обвиняемого

Право на справедливое судебное разбирательство закреплено как на универсальном (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, далее — Пакт), так и на региональном уровне (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — Конвенция 1950 года), статья 8 Американской конвенции о правах человека 1969 года и др.). Причем статья Пакта, принятого позднее Конвенции 1950 года, повторяет содержание статьи 6, а также норм Протокола № 7 к этой Конвенции. В свою очередь, содержательно и текстуально положения указанных международных договоров воспроизводятся в уставах международных уголовных трибуналов *ad hoc* (в статье 21 Устава МТБЮ, статье 20 Устава Международного трибунала по Руанде, статье 17 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне) и Римском статуте МУС (статья 67). В этом нет ничего удивительного, поскольку в любом судебном органе и на любой стадии судопроизводства, как подчеркивает Т. Г. Морщакова, «само понятие правосудия предполагает независимость и беспристрастность осуществляющего его, созданного на основе закона суда и строгое следование установленным законом процессуальным формам деятельности, включая открытость судебного разбирательства и его разумные сроки»¹⁰.

Однако очевидно, что отправление правосудия в органах международной уголовной юстиции имеет ощутимую специфику. Главным образом она сводится к тому, что в отличие от национальных судов международные трибуналы не связаны конвенционным правом, а потому последнее имеет для них сугубо силу «убеждающего авторитета» (англ.: *persuasive authority*)¹¹. Именно к такому выводу пришла Апелляционная палата МТБЮ при рассмотрении дела Д. Тадича, ставшего первым из 161 обвиняемых, прошедших через Трибунал. В частности, последний констатировал, что апеллант не убедил палату в том, что «установленные в конвенциях требования должны применяться не только в рамках национальных правовых систем, но и в отношении судебных

⁸ Цит. по: Steinitz M. "The Milosevic Trial – Live!" // Journal of International Criminal Justice. 2005. Vol. 3. № 1. P. 121.

⁹ Евсеев А. П. Указ. соч. С. 84.

¹⁰ Морщакова Т. Г. *Международно-правовые основы // Пересмотр судебных актов в гражданском, арбитражном и уголовном процессе: учеб. пособие / под ред. Т. Г. Морщаковой. М. : Юрайт, 2014. С. 25.*

¹¹ Tochilovsky V. *The Law and Jurisprudence of the International Criminal Tribunals and Courts*. Cambridge : Intersentia, 2014. P. 1366, 1367.

разбирательств в международном суде» (§ 42)¹². Тем не менее МТБЮ сделал важную оговорку: изложенное отнюдь не означает, что «международный уголовный суд может быть учрежден всего лишь по прихоти группы правительств. Подобный суд должен опираться на принцип господства права и обеспечивать все гарантии, содержащиеся в соответствующих международных договорах» (там же). При этом далее Апелляционная палата сделала акцент на том, что одному из элементов права на справедливое судебное разбирательство — принципу «равенства сторон» (англ.: *equality of arms*) — должно быть дано более гибкое истолкование в международном уголовном трибунале, чем обычно это имеет место в отношении слушаний в национальных судах (§ 52). В свою очередь, это означает, что обвинение и защита должны быть равны перед Судебной палатой, а последняя должна обеспечивать любую возможную помощь, какую она может предоставить в соответствии с Правилами процедуры и Уставом, когда сторона обращается с ходатайством о такой помощи в представлении своего дела.

Принцип «равенства сторон» давно подвергается критике в отечественной доктрине. В частности, Л. В. Головкин считает, что реальное равенство между государством и частным лицом, по крайней мере на внутригосударственном уровне, недостижимо ни фактически и экономически (ресурсы государства всегда многократно и несопоставимо больше), ни политически (все же государству принадлежит публичная власть), ни юридически, ведь именно государство в лице соответствующих органов и должностных лиц обладает конституционно-правовой монополией на принуждение и ограничение прав¹³. Свою мысль он передает при помощи метафоры: есть два спортсмена, один из которых по воле природы на полметра выше и на сотню килограмм тяжелее, но вместо того, чтобы развести этих двоих по разным весовым категориям, их зачем-то все время вызывают на общий ринг, по сути, лишь для того, чтобы дисквалифицировать первого (высокого и тяжелого) и объявить, что он нарушает «правила»¹⁴. А как же обстоит дело в международных разбирательствах?

Для ответа на этот вопрос обратимся к статье известного адвоката М. Владимироффа, несколько десятилетий кряду, начиная с процесса Д. Тадича, практикующего в международных уголовных трибуналах. Вот как он описывает то, с чем ему приходится сталкиваться едва ли не ежедневно. «С институциональной точки зрения поразительно, что защитник не является органом суда, подобно судье, прокурору или секретарю... Защитник не имеет официального статуса, который предоставлял бы ему полномочия по отношению к лицам вне зала суда. Отсутствие же соответствующих прав... может оказать серьезное негативное воздействие на принцип равенства сторон, провозглашаемый статутами и правилами процедуры»¹⁵. Кроме того, констатирует адвокат, «похожие проблемы могут возникнуть и с документами, которые трудно обнаружить, сделать копии, и в отношении которых может не существовать национальных правовых средств в отношении их обязательного представления. С аналогичными проблемами может столкнуться и обвинение, однако последнее является органом суда и располагает правовыми инструментами, позволяющими обязать иностранных должностных лиц исполнить соответствующие предписания, такими, как, например, возможность оказания политического (*sic!* — Примеч. авт.) давления»¹⁶. Как видим, о «равенстве сторон» и на международном уровне можно говорить лишь в высокой теории.

В подтверждение сделанного вывода обратимся к еще одному видному деятелю международной уголовной юстиции — судье Апелляционной палаты МТБЮ и Международного трибунала по Руанде (с момента основания последнего Апелляционная палата для них общая) В. Шомбургу, которого, в силу занимаемого положения, сложно заподозрить в чрезмерном сочувствии к лицам, оказавшимся на скамье подсудимых в Гааге или Аруше. Беря отдельные элементы права на справедливое судебное разбирательство в его истолковании Европейским Судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) и сопоставляя их с практикой международных уголовных трибуналов, он приходит к малоутешительному выводу, что зачастую на национальном

¹² Здесь и далее цит. по: Прецедент № 180, МТБЮ, «Обвинитель против Тадича» // Правовая защита во время войны: в 4-х тт. / сост. М. Сассоли, А. Бувье. Т. IV. М.: МККК, 2009. С. 104.

¹³ Головкин Л. В. *Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям* // Государство и право. 2020. № 6. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 113.

¹⁵ Владимирофф М. *Рассуждения о статусе защитника в международных судебных разбирательствах* // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 65.

¹⁶ Там же.

уровне, благодаря давлению, оказываемому ЕСПЧ, соответствующие права обвиняемого/подсудимого соблюдаются тщательнее, чем в рамках международного правосудия¹⁷.

Возьмем, к примеру, право каждого арестованного или задержанного по уголовному обвинению в срочном порядке предстать перед судьей (статья 9(3) Пакта). Аналогичные положения содержатся в статье 5(3) Конвенции 1950 года. В их развитие ЕСПЧ в одном из британских дел констатировал нарушение этого права, когда задержанный в течение четырех дней не мог предстать перед законным судьей¹⁸. При этом Ж. Кайелиели, которого Прокуратура Международного трибунала по Руанде (далее — МТР) обвиняла в соучастии в геноциде 1994 года, был задержан в Бенине 5 июня 1998 года, но передан МТР лишь 9 сентября. Причем впервые перед Трибуналом он предстал уже в следующем году — 7 апреля 1999 года, дожидаясь, таким образом, реализации рассматриваемого права 211 дней¹⁹.

Обратимся к праву быть судимым без неоправданной задержки, гарантированному статьей 14(3)(с) Пакта. Даже с учетом того обстоятельства, что Р. Караджич на протяжении 1995–2008 годов скрывался от правосудия, тем не менее временные рамки судебного разбирательства в его отношении поражают воображение: процесс в МТБЮ начался в 2009 году, приговор первого уровня был вынесен в 2016 году, а апелляционное решение — в 2019-м, когда формально МТБЮ уже перестал существовать и соответствующая компетенция перешла к Международному остаточному механизму для уголовных трибуналов (далее — Механизм). Как видим, в случае Р. Караджича судебная процедура заняла без малого десять лет. Для сравнения: Международному военному трибуналу в Нюрнберге понадобилось меньше года, чтобы осудить 22 нацистских бонзы.

Этот же порок свойственен МУС. Для большей наглядности представим данные, характеризующие длительность судебных разбирательств по наиболее резонансным делам, в виде таблицы²⁰.

Таблица 1.

Обвиняемый	Дата выдвижения обвинений	Первое появление перед Судом	Завершение разбирательства	Длительность
Лубанга	2002–2003	20 марта 2006	1 декабря 2014	Более 8 с половиной лет
Катанга	2003	22 октября 2007	7 марта 2014	Шесть с половиной лет
Бемба	2002–2003	4 июля 2008	8 июня 2018	Более 10 лет
Аль-Махди	2012	30 сентября 2015	27 сентября 2016	1 год
Кениатта	2007–2008	8 марта 2011	13 марта 2015	4 года
Бемба и другие	2011	27 ноября 2013	27 ноября 2019	6 лет
Нтаганда	2002–2003	26 марта 2013	30 марта 2021	Более 8 лет
Гбагбо и Бле Гуде	2010–2011	5 декабря 2011, 27 марта 2014	31 марта 2021	Более 9 с половиной и 7 лет
Огвен	2002–2005	26 января 2015	6 мая 2021	Более 6 лет

Более того, как свидетельствуют сами работники Канцелярии МУС, в отношении различных обвиняемых Судом устанавливались различные «правила игры». Например, такой специфический элемент подготовки свидетелей защиты к перекрестному допросу, как *witness proofing*, был дозволен Судебной палатой в деле *Нтаганды*, однако запрещен в деле *Огвена* (последнем на сегодняшний день, решенном по существу) и деле *Гбагбо и Бле Гуде*²¹. О каком равном подходе к подсудимым в таком случае может идти речь? Вопрос риторический.

Немало спорных вопросов возникало даже в отношении такого права обвиняемого, как право пользоваться бесплатной помощью переводчика (статья 14(3)(f) Пакта, статья 6(3)(e) Конвенции

¹⁷ Schomburg W. *The Role of International Criminal Tribunals in Promoting Respect for Fair Trial Rights // Northwestern Journal of International Human Rights*. 2009. Vol. 8. № 1. P. 28.

¹⁸ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-57450%22> (дата доступа: 17.02.2024).

¹⁹ Schomburg W. *Op. cit.* P. 3.

²⁰ Данные приводятся по: Gumpert B., Nuzban Y. *Length of Proceedings at the International Criminal Court: Context, Latest Developments and Proposed Steps to Address the Issue // The Past, Present and Future of the International Criminal Court / ed. by A. Heinze, V. Dittrich. Brus. : TOAEP, 2021. P. 561, 562.*

²¹ *Ibid.* P. 574.

1950 года). Так, в деле *Катанги* обвиняемый ходатайствовал о предоставлении ему права пользоваться помощью переводчика на язык лингала, один из государственных языков Демократической Республики Конго, откуда он родом, поскольку утверждалось, что он не в полной мере понимает рабочие языки МУС — английский и французский. Изначально ему было отказано в этом праве на том основании, что он понимает французский (Демократическая Республика Конго — бывшая бельгийская колония). Однако Апелляционная палата в итоге отменила это решение на том основании, что стандарт, установленный Римским статутом в отношении этого права, является более высоким, чем стандарт, установленный в Конвенции или Пакте. По мнению палаты, в отличие от аналогичных положений упомянутых документов, статья 67(1)(а) Римского статута гарантирует право быть уведомленным «на языке, который обвиняемый в полной мере понимает и на котором он говорит». В свою очередь, пункт 1(f) этой же статьи предусматривает право пользоваться «помощью квалифицированного переводчика... когда язык, используемый при рассмотрении дела в Суде либо при рассмотрении документов, представленных Суду, не является тем языком, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит»²². Таким образом, в данном случае мы наблюдаем противоположную ситуацию, когда международные нормы, устанавливающие минимальные стандарты обеспечения прав и свобод, отвергаются органом международного уголовного правосудия во имя гарантий, сформулированных им самим.

Но все же не будет преувеличением сказать, что наиболее жаркие споры вызывает право обвиняемого защищать себя лично (англ.: *right to self-representation*), чему в немалой степени способствовал процесс С. Милошевича.

2. Право защищать себя лично как гарантия процессуальных прав обвиняемого

На первый взгляд, никаких сложностей с реализацией этого права быть не должно. Более того, оно известно с незапамятных времен. Вспомним в этой связи Сократа, защищавшего себя перед гелиэей²³. Право каждого защищать себя лично или пользоваться помощью адвоката (защитника) в уголовном процессе предусмотрено статьей 14(3)(d) Пакта и статьей 6(3)(с) Конвенции 1950 года, причем в последнем случае гарантируется также, при недостатке средств у обвиняемого, право пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия. Данное право в его международном измерении признавалось со времен Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов. Согласно статье 16 Устава Международного военного трибунала подсудимый имел право защищаться на суде лично или при помощи защитника, а также лично или через защитника представлять доказательства и подвергаться перекрестному допросу любого свидетеля, вызванного обвинением²⁴. Впрочем, тогда никто из подсудимых не воспользовался этим правом лично, и даже судимому заочно М. Борману был назначен адвокат. Любопытно, что уведомление о назначении ему адвоката зачитывалось по радио раз в неделю на протяжении четырех недель (начиная с 22 октября 1945 года, то есть за месяц до начала процесса). Это же уведомление также должно было быть опубликовано в четырех разных номерах газет, выпускающихся в родном городе М. Бормана²⁵.

В 1993–1994 годах, когда учреждались МТБЮ и МТР, в их уставах также были предусмотрены положения о праве обвиняемого защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом таком случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточных средств для оплаты этого защитника (статья 21(4)(d) Устава МТБЮ, статья 20(4)(d) Устава МТР). Однако никто в международных уголовных трибуналах *ad hoc* не думал отказываться от услуг защитника, в том числе потому, что в первые годы их существования допускалось приглашение адвокатов из стран гражданской принадлежности обвиняемых, что, в свою очередь, способствовало установлению неформальных контактов между ними. Другой вопрос, что те не всегда были должным образом осведомлены о

²² Ушацка А. МУС и право на справедливое судебное разбирательство // *Международное уголовное правосудие: современные проблемы* / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: ИГиПП, 2009. С. 283, 284.

²³ Подробнее см.: Демиденко Г. Г. Суд над Сократом. Х.: Право, 2018.

²⁴ *Нюрнбергский процесс: Сб. материалов*. В 8 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1987. С. 151.

²⁵ Тулупова Е. О., Демидова Т. К. *Участие адвокатов в Нюрнбергском процессе* // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 7. С. 142.

процессуальном регламенте и процедурных правилах, бытовавших в таких трибуналах²⁶. Так продолжалось годами, пока перед МТБЮ не предстал бывший президент Сербии С. Милошевич.

Процесс по делу С. Милошевича стал «пределом, его же не перейдешь» для международного уголовного правосудия. Цель создания негативного публичности МТБЮ была достигнута обвиняемым всецело²⁷. Однако наряду с множеством драматичных эпизодов, «процесс века» продемонстрировал многие уязвимые точки процессуальной инфраструктуры международных трибуналов. Как писал американский профессор М. Шарф, в этом процессе «почти все, что могло пойти прахом, пошло, включая смерть подсудимого за четыре месяца до окончания процесса»²⁸. Следует учитывать, что с момента доставления в Гаагу С. Милошевич не признавал юрисдикцию МТБЮ, полагая, что был задержан и передан Трибуналу незаконно. Определенный резон в его словах действительно был, поскольку Конституционный суд Сербии пришел к заключению, что на него и после отставки распространяется президентский иммунитет, а потому он не подлежит выдаче международному суду. Однако в обход позиции органа конституционной юрисдикции новое демократическое правительство во главе с премьер-министром З. Джинджичем на экстренном заседании приняло решение выдать С. Милошевича²⁹. В результате бывший глава государства был схвачен, посажен в самолет американских ВВС и доставлен в Гаагу 28 июня 2001 года. А уже 7 июля, когда он предстал перед судом, С. Милошевич во всеуслышание заявил о непризнании юрисдикции Трибунала, отверг предъявленные ему обвинения и, главное, отказался от услуг защитника, решив защищать себя сам. По авторитетному мнению М. Шарфа, «ни одно решение, принятое Трибуналом по бывшей Югославии, не оказало такого эффекта на дальнейшее разбирательство дела Милошевича, как решение, позволившее ему защищать себя лично»³⁰.

В Англии принято говорить: «Если адвокат в процессе защищает себя сам, значит, его подзащитный — дурак» (англ.: *one who is his own lawyer has a fool for a client*). Это объясняется тем, что в уголовном процессе англосаксонского типа права обвиняемого существенным образом ограничены по сравнению с континентальными образцами. Обвиняемый вправе разве что давать показания (разумеется, не опасаясь быть привлеченным к ответственности за дачу заведомо ложных) и под присягой представлять доказательства³¹. Всем остальным объемом процессуальных прав и, прежде всего, правом подвергать перекрестному допросу свидетелей обвинения, обладает его защитник. Когда же обвиняемый и защитник соединяются в одном лице, то, конечно, обвиняемому переходят соответствующие права, однако в большинстве случаев он, не будучи профессиональным литигатором, оказывается не в состоянии провести свою защиту на должном уровне, тем самым усложняя себе жизнь. Добавим к сказанному, что хотя С. Милошевич закончил в 1964 году юридический факультет Белградского университета, он почти сразу ушел на партийно-хозяйственную работу и не мог в силу этого обладать навыками проведения перекрестного допроса или сбора доказательств. Зато, по словам К. дель Понте, как «великолепный тактик и посредственный стратег»³², он был силен в другом.

По всей видимости, понимая, что ему уже не выйти на свободу, С. Милошевич избрал своеобразную стратегию поведения на процессе, именуемую «культурой разрыва» (фр.: *proces de rupture*)³³. Для этой стратегии характерно произнесение политически окрашенных речей, злоупотребление аргументами *ad hominem*, игнорирование замечаний председательствующего, словом, использование судебной кафедры как политической трибуны, с которой можно обращаться к присутствующей публике и многочисленной армии телезрителей (процесс Милошевича первое время транслировался в прямом эфире по югославскому телевидению). Об этой стратегии более детально речь пойдет далее, а пока надо понимать, что, видя это,

²⁶ Подробнее об этом см.: Tochilovsky V. *International Criminal Justice: "Strangers in the Foreign System"* // Criminal Law Forum. 2004. № 15. P. 325–327.

²⁷ Заслуживающие внимания размышления о процессе см.: Локленд Дж. *Пародия на правосудие*. М.: Русская панорама, 2009.

²⁸ Scharf M. *Slobodan Milosevic* // The Cambridge Companion to International Criminal Law / ed. by W. Schabas. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 296.

²⁹ Обо всех перипетиях, связанных с выдачей С. Милошевича, см.: Хартманн Ф. *Мир и наказание: тайные войны международной политики и правосудия* / вступ. ст. и науч. ред. А. П. Евсеева. Х.: Юрайт, 2018. С. 40–58.

³⁰ Scharf M. *Op. cit.* P. 296.

³¹ Bohlander M. "A Fool for a Client" – *Remarks on the Freedom of Choice and Assignment of Counsel at the ICTY* // Criminal Law Forum. 2005. № 16. P. 161.

³² дель Понте К. *Охота: я и военные преступники*. М.: Эксмо, 2008. С. 240.

³³ Borrelli K. *Between Show-Trials and Utopia: a Study of the Tu Quoque Defence* // Leiden Journal of International Law. 2019. № 32. P. 327.

обвинение трижды ходатайствовало перед Судебной палатой о назначении С. Милошевичу профессионального адвоката, которому, скорее всего, корпоративная этика не позволила бы себя вести подобным образом. Однако Судебная палата отказывала в удовлетворении ходатайств обвинения по той причине, что право защищать себя лично — одно из прав обвиняемого, непосредственно гарантированное Уставом МТБЮ. И лишь 3 сентября 2004 года, уже на стадии предъявления доказательств защитой (то есть самим С. Милошевичем), последнему был назначен «запасной адвокат» (англ.: *standby counsel*), которым стал британский барристер С. Кэй, бывший до этого одним из «друзей суда» (лат.: *amicus curiae*).

Здесь следует оговориться, что до момента назначения адвоката обвиняемый не был столь беззащитен, как может показаться. Неформально его консультировала группа юристов во главе с бывшим Генпрокурором США Р. Кларком, хорошо известным российским читателям по изданной на русском языке еще в советские годы книге «Преступность в США»³⁴, написанной с левых позиций, и французским адвокатом Ж. Вержесом, сделавшим себе имя на «громких» делах, в частности деле нацистского преступника К. Барбье или деле террориста Рамиреса Санчеса, известного как Карлос «Шакал»³⁵. А в начале 2002 года, уже официально, С. Милошевичу были назначены три «друга суда»: упоминавшийся нами М. Владимирофф, голландский адвокат русского происхождения, С. Кэй и сербский юрист Б. Тапушкович. Решая вопрос о статусе «друзей суда» в данном процессе, Апелляционная палата МТБЮ раскололась. В частности, судья из Кооперативной Республики Гайаны М. Шахабуддин полагал, что фигура «друга суда» чем-то схожа с континентальным понятием «эксперт», а значит, призвана, скорее, донести до судебного состава, рассматривающего дело, некую объективную позицию, нежели служить замаскированным защитником подсудимого. Тем не менее решение было оставлено в силе, и эта троица служила своего рода посредником между всячески срывающим процесс С. Милошевичем и Трибуналом³⁶.

Как бы там ни было, на момент назначения С. Кэй в целом не был совершенно чужим для обвиняемого человеком, однако бывший президент категорически настаивал на необходимости защищать себя лично. Поэтому решение Судебной палаты о назначении ему запасного адвоката было обжаловано в апелляционном порядке, а сам С. Кэй столкнулся со значительными сложностями в работе, стоившими ему не только доверительных отношений с подзащитным, но и серьезных репутационных издержек. Например, свидетели защиты, в числе которых были россияне Е. М. Примаков, Л. Г. Ивашов, Н. А. Рыжков, вероятно, по просьбе С. Милошевича, отказались прибыть в Гаагу для дачи показаний, вследствие чего бедному С. Кэю пришлось подать апелляцию на собственное назначение. Против этого, естественно, выступило обвинение, опасаясь, что ему снова придется иметь дело непосредственно с Милошевичем, а не с чопорным англичанином.

Прокуратура МТБЮ выдвинула три аргумента в пользу того, почему Кэя целесообразно оставить. Во-первых, обструктивное поведение С. Милошевича при реализации им права защищать себя лично; во-вторых, плохое состояние здоровья обвиняемого (у него нередко случались гипертонические кризы, сопровождавшиеся давлением 240:120); в-третьих, масштаб и сложность рассматриваемого дела, неподъемные для непрофессионала в международном уголовном праве³⁷. В итоге 1 ноября 2004 года Апелляционная палата отменила решение о назначении Милошевичу защитника, сделав, однако, важную оговорку касательно того, что он может защищать себя сам, когда физически способен это делать. Нам же остается только добавить, что тяжелая в психологическом плане обстановка в зале суда, подобно радиации с ее отсроченным эффектом, погубила не только подсудимого, скончавшегося в камере пенитенциарного центра в Схевенингене 11 марта 2006 года, но и председательствующего в судебном заседании. Ранее, 1 июля 2004 года, судья Р. Мэй, известный своими пикировками с обвиняемым, ушел из жизни в возрасте 65 лет.

Немало неприятных моментов пришлось пережить Трибуналу примерно в те же годы на процессе по делу идеолога «великосербского шовинизма» В. Шешеля, добровольно прибывшего

³⁴ См.: Кларк Р. *Преступность в США*. М.: Прогресс, 1975.

³⁵ Scharf M., Schabas W. *Slobodan Milosevic on Trial: a Companion*. N. Y. — L.: Continuum, 2002. P. 78.

³⁶ Schomburg W. *Some Reflections on the Right to Self-Representation Before International Tribunals* // ERA Forum. 2011. № 12. P. 192.

³⁷ Месяев А. Б. *Назначение адвоката на процессе против С. Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые вопросы* // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 113.

24 февраля 2003 года в МТБЮ, чтобы, как он выражался, «его уничтожить»³⁸. Этот человек мог обозвать директора «Центра гуманитарного права» в Белграде Н. Кандич с использованием нецензурных выражений, заявить, что Югославская война 1991–1995 годов была инспирирована Ватиканом, потребовать перевода тысяч страниц документации, выполненных латиницей, на кириллицу, притом что, как известно, и у сербов, пишущих на кириллице, и у хорватов, пишущих на латинице, общий язык — сербско-хорватский, и т. д.³⁹ Несложно заметить, что стиль поведения В. Шешеля, тоже, кстати сказать, юриста по образованию, был гораздо более наступательным, агрессивным, чем манера С. Милошевича. Возможно, именно поэтому дело Шешеля дважды переходило из одной Судебной палаты в другую.

Как и его соратник в политической борьбе С. Милошевич, В. Шешель потребовал предоставить ему право защищать себя лично. Однако председательствовавший при рассмотрении дела немецкий судья В. Шомбург сориентировал палату таким образом, чтобы Шешелю почти сразу, в мае того же года, был назначен «запасной адвокат». Трибунал мотивировал это следующими соображениями: «Фраза “интересы правосудия”, использованная в статье 21 Устава МТБЮ и позволяющая назначать обвиняемому защитника в этих интересах, потенциально имеет широкое толкование. Она включает право на справедливое разбирательство, которое является не только фундаментальным правом обвиняемого, но также фундаментальным интересом самого Трибунала, позволяющим сохранить свою легитимность. В контексте права на справедливое разбирательство длительность слушаний, объем и сложность дела должны быть приняты во внимание. Сложные юридические, доказательственные и процедурные вопросы, возникающие в деле подобного уровня, могут лежать за пределами компетенции даже юридически квалифицированного обвиняемого, особенно если он находится в заключении без доступа ко всем инструментам, в которых он нуждается. Более того, у Трибунала есть законный интерес в том, чтобы судебный процесс протекал без задержек, отсрочек или проволочек... С этой точки зрения отношение и действия обвиняемого выглядят обструктивно»⁴⁰.

Подсудимый пришел в ярость, в результате чего судебные слушания начались тремя годами позже. В мае 2006 года дело В. Шешеля было передано из Судебной палаты II в Судебную палату I, которая в августе постановила, что он может участвовать в процессе только при наличии защитника, которого должен будет подобрать секретарь Трибунала. В октябре того же года это решение было отменено Апелляционной палатой. Однако, как указывает А. Б. Мезяев, не понаслышке знакомый с обстоятельствами рассмотрения дела, буквально на следующем же заседании после отмены решения о назначении адвоката Судебная палата вновь назначила обвиняемому защитника, вследствие чего В. Шешель был вынужден объявить голодовку. В тот год в тюремной камере умер С. Милошевич, что породило многочисленные слухи и инсинуации, поэтому никто не хотел повторения подобного с В. Шешелем. 8 декабря 2006 года Апелляционная палата повторно отменила решение Судебной палаты и предоставила обвиняемому возможность защищать себя лично⁴¹.

Любопытна аргументация Апелляционной палаты, принявшей такое решение. По ее мнению, Шешелю «не было дано реального шанса показать, что, несмотря на его предыдущее поведение, сейчас он понимает, что для разрешения защищаться лично он должен подчиняться Правилам процедуры и доказывания МТБЮ, и что он согласен с этим». При этом палата специально оговорила, что «нет никаких сомнений в том, что в свете продемонстрированного Шешелем поведения, судебная палата была вправе назначить ему адвоката» и что она «признает усилия судебной палаты обеспечить справедливый процесс и оперативное рассмотрение дела»⁴².

Процесс по делу В. Шешеля завершился в 2016 году сенсационным оправданием подсудимого. К тому времени он уже полтора года как находился дома, в Белграде, с подозрением на рак, что позволило ему покинуть пенитенциарный центр. Тем самым в заключении он провел более двенадцати лет. В 2018 году, когда приговор был пересмотрен Механизмом, В. Шешель был

³⁸ Подробнее о деле В. Шешеля см.: *Двойные стандарты в защите прав человека: казус профессора Шешеля: сб. ст. / сост. А. И. Филимонова. М. : Фонд ист. перспективы, 2009.*

³⁹ Zahar A. *Legal Aid, Self-Representation and the Crisis at the Hague Tribunal // Criminal Law Forum*. 2008. № 19. P. 257–259.

⁴⁰ Цит. по: Bohlander M. *Op. cit.* P. 166.

⁴¹ Двойные стандарты в защите прав человека: казус профессора Шешеля. С. 78, 79.

⁴² Там же. С. 79.

признан виновным. Ему было назначено наказание в виде десяти лет лишения свободы, зачтенных ему в срок реально отбытого.

Попытку защищать себя лично предпринял смертельный враг С. Милошевича и В. Шешеля — хорватский генерал С. Праляк, прославившийся тем, что на последнем в истории заседании МТБЮ десятью годами позже демонстративно выпил чашу с ядом. Однако задолго до этого Судебная палата предоставила ему, помимо назначенного защитника, также определенную свободу в обращении с ходатайствами к суду и допросе свидетелей. Однако вскоре стало ясно, что импровизации С. Праляка были «пустой тратой времени»⁴³, вследствие чего подсудимый был лишен соответствующих прав. Апелляционная палата тем не менее подчеркнула, что «право на защитника и право защищать себя лично не являются взаимоисключающими и что назначение защитника не отменяет права обвиняемого также непосредственно участвовать в слушаниях»⁴⁴.

Подведем промежуточные итоги. На первый взгляд, право защищать себя лично в международных уголовных разбирательствах выглядит как пример «мертвого права» (лат.: *jus mortua*), рудимент, дань исторической традиции, тянущейся со времен Нюрнберга, ибо в столь сложных и комплексных делах, которые рассматриваются в международных трибуналах, редко какой подсудимый захочет обойтись без помощи профессионала. Все меняется, когда судебную трибуну захватывает «политик-манипулятор», если воспользоваться классификацией, выведенной нами ранее⁴⁵. Прирожденный актер, лицо, занимавшее, как правило, высокое должностное положение (Милошевич — бывший президент, Шешель — вице-премьер), умеющее работать на публику и ошарашивать судей из «первого мира» своим поведением в зале суда, — такой человек, получая право защищать себя лично, использует его как грозное процессуальное оружие, способное подорвать авторитет любого международного трибунала. Именно по этой причине М. Шарф, один из интеллектуальных «моторов» создания МТБЮ, в своей последней монографии предлагает в будущем вовсе отказаться от предоставления данного права обвиняемым с целью избежать хаоса в зале суда⁴⁶.

3. Стратегии поведения обвиняемых в ходе судебного разбирательства

Как уже стало ясно читателю, стратегии поведения предполагаемых международных преступников на суде пролегают между двумя полюсами: сотрудничество или обструкция. Но если первый имеет четкие, нормативно установленные рамки, отраженные в учредительных документах международной уголовной юстиции, то второй может быть выведен исключительно индуктивно, основываясь на анализе соответствующих практик.

Стратегия, условно именуемая «сотрудничество», имеет место прежде всего тогда, когда обвиняемый идет на заключение соглашения о признании вины. Первоначальная редакция Устава МТБЮ предусматривала, что «Судебная палата оглашает обвинительное заключение и предлагает обвиняемому сделать заявление (англ.: *to enter a plea*)... Затем Судебная палата назначает дату судебного разбирательства» (часть 3 статьи 20). Однако очевидно, что термин «*plea*» может быть расценен и как сделка с правосудием, и как простое «заявление» (именно последний вариант употребляется в официальном переводе текста Устава на русский язык). Возникшая проблема была окончательно урегулирована лишь в конце 2001 года, когда в Правила была внесена статья 62ter, во многом дублирующая правило 11c Федеральных правил уголовного судопроизводства США. Два годами позже аналогичное положение появилось в Правилах МТР.

Признательные показания, озвученные подсудимым, согласившимся сотрудничать с обвинением, сознательно или бессознательно способствуют возникновению различных психологических феноменов, один из которых известен как эффект Силинго. Он заключается в том, что публичные признания в совершении массовых преступлений разрушают круговую поруку молчания и порождают цепную реакцию новых свидетельств⁴⁷. Речь идет, в частности, о бывшем офицере аргентинской армии А. Силинго, служившем в печально известной Школе механиков ВМС (ESMA), которая во времена военной диктатуры 1976–1983 годов использовалась как подпольная

⁴³ Zahar A. *Op. cit.* P. 250.

⁴⁴ *Ibid.* P. 250, 251.

⁴⁵ Евсеев А. П. *Указ. соч.* С. 84, 85.

⁴⁶ Scharf M. *Combatting Chaos in the Courtroom // The Legacy of Ad Hoc Tribunals in International Criminal Law* / ed. by M. Sterio, M. Scharf. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 304.

⁴⁷ Эппле Н. *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах.* М. : Новое лит. обозрение, 2020. С. 149, 150.

тюрьма для тайных расправ над оппозицией. На суде — вначале у себя на родине, а затем в Испании (где он был приговорен к 1084 годам тюремного заключения)⁴⁸ — Силинго поведал о пытках заключенных, так называемых «полетах смерти» и т. п.

Но можно привести и иной пример. Так, один из лидеров хунты адмирал Э. Массера, будучи судим в 1985 году в Буэнос-Айресе, явился на процесс в парадной форме, при орденах, в начищенных до блеска сапогах и с ухоженными ногтями, заявив при этом, что признает «ответственность, но не вину»⁴⁹.

В этом сюжете отражаются два стиля поведения на процессах о международных преступлениях: один, которого придерживаются рядовые исполнители и командиры среднего звена наподобие Силинго, считавшие, что «их предали», и второй — полное отрицание вины, характерное в большей мере для высокопоставленных персон, обладающих необходимым ресурсом для своей защиты и даже популяризации содеянного. Крайней, доведенной до гротеска формой отрицания своей причастности к совершенным преступлениям является «культура разрыва», упоминавшаяся нами ранее. М. Шарф выделяет такие ее формы: 1) пассивное неуважение к суду (например, когда обвиняемый обращается к судьям без должного уважения, заменяя выражение «Ваша честь» нейтральным «господин/госпожа»); 2) саботаж необходимых процессуальных действий, без совершения которых судебное разбирательство не достигнет своих целей (например, произнесение политически ангажированных речей вместо проведения перекрестного допроса); 3) бойкот судебных слушаний или объявление голодовки; 4) прерывание судебного заседания выкриками с места или руганью; 5) попытки публичного раскрытия личности защищенного свидетеля; 6) обращение к физическому насилию в зале суда, включая попытки ударить кого-либо или совершить суицид⁵⁰.

Приведем несколько красноречивых примеров, иллюстрирующих названные формы «культуры разрыва».

На процессе по делу С. Милошевича одним из свидетелей обвинения выступал косовский албанец А. Бериша, чьи близкие были убиты сербскими военно-полицейскими силами в результате зачистки.

Бериша: Полиция пришла, чтобы убить всех албанцев: мужчин, женщин и детей, даже беременных женщин. По той причине, по одной единственной причине, что они албанцы.

Милошевич: Вы албанец?

Бериша: Да.

Милошевич: Почему же вы тогда до сих пор живы?⁵¹

Еще пример. Защищенная свидетельница «К-15» дает показания о массовых изнасилованиях албанских женщин сербами в 1998–1999 годах. Милошевич во время проведения ее перекрестного допроса начинает вслух разглагольствовать: «Жаль, конечно, что эта молодая женщина стала жертвой изнасилования, если это правда, я не собираюсь ее ни о чем расспрашивать... Коль скоро было совершено изнасилование, определенно, оно не было делом рук армии или полиции, ведь они арестовывают преступников даже за попытку совершения изнасилования...»⁵².

А вот типичный пример перебранки с председательствующим судьей:

Судья Мэй: Перейдем теперь к обвиняемому. Господин Милошевич, у вас есть какие-либо вопросы, которые вы хотели бы обсудить? Напоминаю вам, что на этой стадии никакие речи не допускаются.

Обвиняемый: Ну, прежде всего, я хотел бы узнать, могу ли я говорить или же мне опять отключат микрофон?

Судья Мэй: Господин Милошевич, если вы будете себя вести надлежащим образом, конечно, вам будет позволено говорить.

Обвиняемый: Хорошо. Тогда я хотел бы продемонстрировать доказательства, свидетельствующие о незаконности Трибунала.

Судья Мэй: Вы уже вносили ходатайство по этому вопросу (отключает микрофон)⁵³.

⁴⁸ Для Испании это было первое в истории судебное разбирательство, в котором обвинения касались преступлений против человечности, предусмотренных в Уголовном кодексе этой страны только с 2003 года.

⁴⁹ Payne L. *Unsettling Accounts // The Routledge International Handbook of Perpetrator Studies* / ed. by S. Knittel, Z. Goldberg. L.-N. Y. : Routledge, 2020. P. 134.

⁵⁰ Scharf M. *Combating Chaos in the Courtroom*. P. 286, 287.

⁵¹ Petrovic V. *Slobodan Milosevic in the Hague: Failed Success of a Historical Trial // Remembrance, History and Justice* / ed. by V. Tismaneanu and B. Iacob. B. : Central European University Press, 2015. P. 300.

⁵² *Ibid.*

⁵³ Цит. по: Steinitz M. *Op. cit.* P. 115.

Вместе с тем необходимо учитывать, что подавляющее большинство судебных разбирательств, проходящих на международном уровне, в равной степени удалены и от напряженнейших «судебных шоу» (англ.: *show trial*), и от публичного раскаяния в содеянном. Чаще адвокаты, не унижаясь до озлобления и грубых выпадов, пытаются апеллировать к основаниям освобождения от уголовной ответственности, как то: необходимая оборона, принуждение, ошибка в факте или праве и т. д. Еще более распространена такая стратегия, при которой защита, действующая в интересах обвиняемого, старается поколебать доброкачественность доказательств, представленных обвинением⁵⁴.

Здесь необходимо учитывать, что деятельность любого органа международного уголовного правосудия подчинена определенным стандартам доказывания, наиболее строгим из которых является стандарт «вне разумных сомнений» (англ.: *beyond reasonable doubt*). В соответствии с ним осудить лицо можно лишь тогда, когда любой непредвзятый человек, изучив имеющиеся доказательства, пришел бы к выводу о виновности обвиняемого. При этом положения Римского статута закрепляют три стандарта доказывания применительно к каждой стадии производства по делу. В соответствии со статьей 58 Палата предварительного производства МУС вправе выдать ордер на арест того или иного лица в случае, если имеются разумные основания полагать (англ.: *reasonable grounds to believe*), что преступление совершено данным лицом и требуется его арест. В силу части 7 статьи 61 на стадии утверждения обвинения Палата предварительного производства определяет, имеются ли достаточные доказательства для установления существенных оснований полагать (англ.: *substantial grounds to believe*), что данное лицо совершило каждое из преступлений, в которых оно обвиняется. И уже непосредственно в судебном заседании вина подсудимого должна быть доказана «вне разумных сомнений».

Так, в начале 2019 года МУС не нашел вины бывшего президента Кот-д'Ивуара Л. Гбагбо и его сподвижника Ш. Бле Гуде главным образом потому, что, по мнению судей, не были доказаны такие основные элементы преступлений, как существование «общего плана» сохранять власть Гбагбо, а кроме того, не было сочтено доказанным существование форм насилия, которые могли бы свидетельствовать о наличии «политики нападения на гражданское население»⁵⁵.

В этой связи необходимо различать полное оправдание обвиняемого, результатом чего является вынесение Судебной палатой оправдательного приговора, после которого лицу не могут быть предъявлены аналогичные обвинения, и так называемое частичное оправдание до окончания дела (англ.: *no case to answer*), имевшее место в деле Гбагбо и Бле Гуде. В соответствии с ним МУС может постановить, что доказательства, представленные Прокурором, недостаточны по всем или некоторым пунктам обвинительного заключения. В таком случае ничто не препятствует прокурору впоследствии вновь обратиться с просьбой об утверждении этого обвинения, когда такая просьба будет поддержана дополнительными доказательствами. Но для этого требуется время.

4. Возвращаясь к судебному исследованию личности международного преступника

Определение пределов судебного познания личности обвиняемого — одна из классических проблем уголовного судопроизводства. Широкое освещение она успела получить и в царской России⁵⁶, и в советские годы⁵⁷, и вызвать не менее оживленные споры в современной западной доктрине⁵⁸. Особенно остро она стоит в деятельности присяжных: «суд улицы», то есть люди, не имеющие юридического образования, легко могут попасть под гипноз искусно вызванных страстей и риторических ухищрений, оправдывающих поведение обвиняемого. О том же свидетельствует обращение к русской классической литературе, по крайней мере, тем ее произведениям, где затрагиваются вопросы права. Например, в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» можно прочесть следующее: «Во-вторых, защитник Масловой... был остановлен во время речи председателем,

⁵⁴ Stahn C. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 286.

⁵⁵ См.: URL: <https://www.icc-cpi.int/cdi/gbagbo-goude> (дата доступа: 17.02.2024).

⁵⁶ См.: Гродзинский М. М. *Судебное исследование личности обвиняемого по действующему праву* // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 8. С. 24–69; он же. *Судебное исследование личности обвиняемого по действующему праву (окончание)* // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 9. С. 87–128.

⁵⁷ См.: Каминская В. И. *Показания обвиняемого в советском уголовном процессе*. М. : Изд-во АН СССР, 1960.

⁵⁸ Elberling B. *The Defendant in International Criminal Proceedings*. L. : Hart Publ., 2012.

когда, желая охарактеризовать личность Масловой, он коснулся внутренних причин ее падения, на том основании, что слова защитника якобы не относятся прямо к делу, а между тем в делах уголовных, как то было неоднократно указываемо Сенатом, выяснение характера и вообще нравственного облика подсудимого имеет первенствующее значение, хотя бы для правильного решения вопроса о вменении...»⁵⁹.

В самом деле, Кассационный сенат в деле О. Палем, убившей студента из-за затянувшейся и неразделенной любви⁶⁰, исходил из следующего: «Свойство личности преступника, его характер, его род занятий и т. п. подлежат исследованию лишь настолько, насколько они вложились в преступное деяние, определяют его состав, условия и степень ответственности, служат действительным и необходимым пособием для уразумения мотивов преступной деятельности, случайности или закоренелости преступной воли. Только в этом значении может подлежать обследованию и прошлое преступника, насколько оно, по свойству приписываемого ему преступления, служит для уяснения самой возможности учинения им данного деяния или его свойств, а не для общей характеристики виновного... так как суду и наказанию подлежат не порочные наклонности и привычки, а лишь учиненное преступное деяние»⁶¹. Цитированная сентенция — «личность преступника подлежит исследованию лишь настолько, насколько она вложилась в преступление», заимствованная Сенатом из трудов Н. С. Таганцева и А. Ф. Кони, выражает подход, доминировавший при разрешении уголовных дел в конце XIX — начале XX веков.

В международном уголовном правосудии, в сущности, действует тот же принцип. Для нас важен не сам факт, что Д. Тадич работал тренером по карате до начала Югославской войны 1991–1995 годов, а то, как он применял полученные навыки. В частности, в решении Апелляционной палаты МТБЮ по делу *Прокурор против Тадича* сказано: «Апеллянт принимал активное участие в нападении на деревню Ясничи, сгоняя и жестоко избивая мужчин из числа жителей деревни» (§ 232)⁶².

Вместе с тем в названном решении МТБЮ касается такого аспекта личности обвиняемого, как совершение деяния «по личным мотивам» (имея в виду личную неприязнь между боснийскими сербами наподобие Д. Тадича и боснийскими мусульманами, существовавшую столетиями, а не как элемент «совместного преступного предприятия», на чем настаивало обвинение). Апелляционная палата пришла к несколько парадоксальному выводу о непостижимости мотивов в уголовном праве в целом. «Представим себе высокопоставленного офицера СС, — говорится в мотивировочной части решения, — который утверждает, что участвовал в геноциде евреев и цыган по «исключительно личным» причинам, поскольку он питает глубокую ненависть к евреям и цыганам... и ни по какой иной причине. В конечном счете был бы оправдан любой обвиняемый, который сыграл роль в массовых убийствах исключительно из эгоистических соображений» (§ 269)⁶³. И далее следует общий вывод: «Соответствующее прецедентное право и дух международных норм... четко дают понять, что согласно обычному международному праву, «исключительно личные мотивы» не имеют никакого значения при определении того, было ли совершено преступление против человечности» (§ 270)⁶⁴.

Однако иногда встречаются кейсы, которые невозможно правильно разрешить без учета не просто крайне специфического национального контекста, но и того положения, который обвиняемый де-факто занимал в преступной иерархии. Причем в традиционных обществах, которые все еще существуют на правовой карте мира (в Африке, Австралии, Океании), духовные лидеры, как подчеркивает А. И. Ковлер, «могут не занимать никакого поста, но принимать участие в делах, касающихся всего общества»⁶⁵.

⁵⁹ Цит. по: Есаков Г. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: историко-правовая реконструкция. М.: Проспект, 2023. С. 205.

⁶⁰ О подсудимой защищавший ее Н. П. Карабчевский сказал на суде: «Женщина, как все женщины! Доступная для того, кем увлечена или кого полюбила, и гордая, и неприступная для того, кто не сумел внушить ей чувство». См.: *Судебные речи известных русских юристов: Сб.* / сост. Е. М. Ворожейкин. М.: Госюриздат, 1958. С. 407.

⁶¹ Гродзинский М. М. Указ. соч. С. 120, 121.

⁶² Прецедент № 180, МТБЮ, «Обвинитель против Тадича» // Правовая защита во время войны: В 4-х тт. / сост. М. Сассоли, А. Бувье. Т. IV. М.: МККК, 2009. С. 171.

⁶³ Там же. С. 173.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Ковлер А. И. *Антропология права: Учебник для вузов*. М.: Норма, 2002. С. 178.

В свое время с подобным столкнулся Специальный суд по Сьерра-Леоне (далее — Спецсуд). В деле *Прокурор против Фофаны и Кондевы* ему предстояло, помимо прочего, определить форму ответственности А. Кондевы, духовного лидера племени комайоров, никогда не бравшего в руки оружия и не занимавшего какого бы то ни было поста. «Комайоры, — говорилось в судебном решении, — верили в мистическую силу лиц, проводящих обряд инициации, особенно Кондевы, и в то, что данный процесс оберегает их от пуль. Комайоры подчинялись Кондеве и восхищались человеком, обладавшим такой силой. Он никогда не участвовал в войне лично, однако когда комайоры шли на нее, Кондева напутствовал их и благословлял... Ни один комайор не шел на войну без его благословения» (§ 721)⁶⁶. Более того, по мнению Спецсуда, Норман (еще один боевик), Фофана и Кондева почитались подобно Святой Троице, где Норман был Отцом, Фофана — Сыном, а Кондева — Святым Духом (§ 337)⁶⁷. С учетом этих обстоятельств Спецсуд пришел к выводу, что Кондева имел материальную возможность предотвратить уголовные деяния, отказав им в благословении. Однако доказательств того, что Кондева вне разумных сомнений обладал эффективным контролем над «Силами национальной обороны», все же было недостаточно. Его официальный статус первосвященника давал специальную власть по инициации бойцов, но не давал возможности определить, кто на каком фронте окажется (§ 806, 853, 916).

Выводы

Подводя итог сказанному, приходится признать, что право на справедливое судебное разбирательство в органах международного уголовного правосудия существенным образом отличается от своей парадигмы, заложенной в международных договорах о правах человека. Однако эти отличия, заключающиеся, например, в менее скорой возможности для обвиняемого предстать перед международным судом, отчасти обусловлены объективными условиями функционирования международного правосудия, в частности более длительными, чем в национальных судах, сроками подготовки дела к слушанию, необходимостью доставления обвиняемого в пенитенциарный центр в Гааге и рядом других обстоятельств. Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что в разбирательствах, проводимых на международном уровне, защита находится в менее выгодном положении, нежели обвинение, являющееся к тому же официальным подразделением суда/трибунала. В свою очередь, это приводит к тому, что в реальной жизни у обвинения гораздо больше возможностей добиться сотрудничества с властями соответствующего государства (на территории которого были совершены международные преступления или гражданином которого является обвиняемый), нежели у защиты. Вот почему право обвиняемого защищать себя лично не всегда реализуется в той мере, в какой это необходимо для целей международного правосудия. Зачастую обвиняемые, не имеющие к тому же специальной подготовки и навыков, начинают злоупотреблять этим правом, превращая тем самым судебное разбирательство в фарс.

Причем существует некая закономерность, проявляющаяся в том, что обвиняемые низшего и среднего уровня почти никогда не отказываются от услуг адвоката, когда как высокопоставленные чиновники и бывшие главы государств (С. Милошевич, В. Шешель), ощущая в известной степени свою обреченность, пытаются злоупотребить процессуальными правами, защищая себя лично. Наконец, необходимость считаться не только с самим фактом преступления, но и с личностью лица, его совершившего, в связи с общей тенденцией последних десятилетий придавать преимущественное значение этой личности, приводит к тому, что в уставах и правилах процедуры и доказывания международных уголовных судов и трибуналов отсутствуют четко установленные санкции за преступления, предусмотренные этими документами. Это означает, что определение меры наказания будет составлять предмет судебского усмотрения после того, как судебный состав удалится для обсуждения и вынесения финального решения по делу.

Таковы лишь некоторые из множества интереснейших проблем, связанных с личностью международного преступника и тем, как она проявляет себя на суде — как с точки зрения поведения непосредственно в зале заседаний, так и с точки зрения того, в какой мере эта личность должна интересовать сам суд, в частности при определении меры наказания. Судебная практика убедительно демонстрирует, что учет личностных особенностей, психофизических свойств, даже

⁶⁶ URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?docid=46e123dc2&page=search> (дата доступа: 17.02.2024).

⁶⁷ *Ibid.*

суеверий обвиняемого позволяет уточнить роль последнего в механизме «системной преступности», правильно квалифицировать его действия и определить направления дальнейшей борьбы с международными преступлениями.

THE PROCEDURAL STATUS OF A DEFENDANT IN THE INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

EVSEEV A.

Alexander Evseev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, School of Criminal Law, Legal Process and Criminalistics, Faculty of Law, HSE University, Moscow, Russia (apevseyev@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0697-0086.

Abstract

The article outlines the main elements of the procedural status of the defendant in international criminal justice bodies. The need to study this status together with the criminological concept of “personality of the criminal” is emphasised. This significantly enriches the doctrine of international criminal law and helps bridge the gap that has emerged between international law and the sciences of the criminal legal cycle. A conclusion is made about the special nature of the right to a fair trial, which has significant differences in international criminal justice compared to conventional law. Particular attention is paid to the right of the accused to defend himself in person. It is noted that if in domestic criminal proceedings this right is taken for granted, then taking into account the specifics of proceedings in international courts and tribunals (their cumbersomeness, a significant number of witnesses interrogated, etc.), this right can degenerate into its opposite, turning from a procedural guarantee into a means of abuse by the defendant. The article summarises the need to take into account, among other things, the individual features of the defendant, which make it possible to more correctly resolve the issue of bringing him to criminal responsibility under international law.

Key words

defendant, international criminal justice, fair trial, right to self-representation, limits of judicial knowledge

Citation: Evseev A. Processual'noe polozhenie obvinyaemogo v mezhdunarodnom ugovnom pravosudii [The Procedural Status of a Defendant in the International Criminal Justice] // Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International Law). 2023. Vol. 1. № 4. P. 75–91. (In Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2023.19804>

References / Список источников

- Bohlander M. (2005) “A Fool for a Client” — Remarks on the Freedom of Choice and Assignment of Counsel at the ICTY. *Criminal Law Forum*, no.16, pp. 159–173.
- Borrelli K. (2019) Between Show-Trials and Utopia: a Study of the *Tu Quoque* Defence. *Leiden Journal of International Law*, no. 32, pp. 315–331.
- Chernichenko S. V. (1971) Status podsudimyykh v mezhdunarodnykh sudebnykh organakh [The Status of the Defendants in the International Judicial Bodies]. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, no. 7, pp. 63–68. (In Russian).
- Clark R. (1975) *Prestupnost' v SSHA* [Crime in the USA]. M.: Progress. (In Russian).
- Demidenko G. G. (2018) *Sud nad Sokratom* [Socrates Trial]. Kharkov: Pravo. (In Russian).
- Filimonova A. I. (ed.) (2009) *Dvoynye standarty v zashchite prav cheloveka: kazus professora Sheshelya* [The Double Standards in the Defence of Human Rights: the Sheshel' Case]: Sb. st. M.: Fond ist. perspektivy. (In Russian).
- Elberling B. (2012) *The Defendant in International Criminal Proceedings*. L.: Hart Publ.
- Épple N. (2020) *Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [The Uncomfortable Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. M.: Novoe lit. obozrenie. (In Russian).
- Esakov G. A. (2023) Roman L. N. Tolstogo «Voskresenie»: istoriko-pravovaya rekonstruktsiya [The Novel of L. N. Tolstoy “The Resurrection”: Historical and Legal Reconstruction]. M.: Prospekt. (In Russian).
- Evseev A. (2023) *Lichnost' mezhdunarodnogo prestupnika (po materialam Nurnbergskogo i inykh sudebnykh razbiratel'stv)* [The Personality of an International Criminal (on Materials of Nuremberg and

- Other Judicial Proceedings)]. Zhurnal VSHÉ po Mezhdunarodnomu Pravu (HSE University Journal of International Law), vol. 1, no. 1, pp. 77–91. (In Russian).
- Golovko L. V. (2020) Uchastie gosudarstva v ugovnom sudoproizvodstve: ot «ravenstva oruzhiya» k realistichnym kontseptsiyam [State Participation in the Criminal Procedure: From 'Equality of Arms' to Realistic Theories]. Gosudarstvo i pravo, no. 6, pp. 107–118. (In Russian).
- Grodzinskij M. M. (1916) Sudebnoe issledovanie lichnosti obvinyaemogo po deystvuyushchemu pravu [The Judicial Investigation of the Personality of the Defendant in Current Law]. Zhurnal Ministerstva yustitsii, no. 8, pp. 24–69. (In Russian).
- Gumpert B., Nuzban Y. (2021) Length of Proceedings at the International Criminal Court: Context, Latest Developments and Proposed Steps to Address the Issue. In: Heinze A., Dittrich V. (eds.) The Past, Present and Future of the International Criminal Court. Brus.: TOAEP, pp. 553–587.
- Hartmann F. (2018) Mir i nakazanie: taynye voyny mezhdunarodnoy politiki i pravosudiya [The Peace and Punishment: the Secret Wars of International Politics and Justice]. Kharkov: Yurait. (In Russian).
- Kalamkaryan R. A. (1997) Povedenie storon na stadii otkrytiya mezhdunarodnogo sudebnogo proizvodstva [The Behavior of Parties at the Stage of Opening the International Judicial Proceedings]. Gosudarstvo i pravo, no. 3, pp. 98–111. (In Russian).
- Kalamkaryan R. A. (1997) Povedenie storon na stadii otkrytiya mezhdunarodnogo sudebnogo proizvodstva [The Behavior of Parties at the Stage of Opening the International Judicial Proceedings]. Gosudarstvo i pravo, no. 4, pp. 70–82. (In Russian).
- Kaminskaya V. I. (1960) Pokazaniya obvinyaemogo v sovetskom ugovnom protsesse [The Testimonies of the Defendant in the Soviet Criminal Process]. M.: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).
- Kovler A. I. (2002) Antropologiya prava [The Anthropology of Law]: Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma. (In Russian).
- Laughland J. (2009) Parodiya na pravosudie [The Parody on Justice]. M.: Russkaya panorama. (In Russian).
- Mezyaev A. B. (2005) Naznachenie advokata na processe protiv s. miloshevicha v gaagskom tribunale: nekotorye mezhdunarodno-pravovye voprosy [The Appointment of the Lawyer at the Milosevic Trial: Several International Legal Issues]. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava, no. 2, pp. 99–118. (In Russian).
- Mezyaev A. (2005) Protsess protiv S. Miloshevicha v Gaagskom tribunale. Zapiski iz zala suda [The Trial against S. Milosevic in the Hague Tribunal. The Notes from the Courtroom]. Vol. 1. Obvinitel'naya chast' [The accusatorial phase]. Kazan': Titul-Kazan'. (In Russian).
- Mezyaev A. B. (2014) Zashchita prav obvinyaemykh v sovremennom mezhdunarodnom ugovnom protsesse: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [The Defence of Defendants' Rights in the Current International Criminal Procedure: the Actual Issues of Theory and the Practice]. Kazan': Un-t upravl. «TISBI». (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2014) Mezhdunarodno-pravovye osnovy [The International Basics]. In: Morshchakova T. G. (ed.) Peresmotr sudebnykh aktov v grazhdanskom, arbitrazhnom i ugovnom protsesse [The Revision of Judicial Acts in the Civil, Commerce and Criminal Procedure]. M.: Yurait. (In Russian).
- Nyurnbergskiy process: sb. materialov, v 8 tomakh, tom 1 [The Nuremberg trial. Collection of texts. In 8 vols. Vol. 1], Moscow: Yurid. lit., 1987. (In Russian).
- Payne L. (2020) Unsettling Accounts. In: Knittel S. and Goldberg Z. (eds.) The Routledge International Handbook of Perpetrator Studies. L.-N. Y.: Routledge, pp. 130–141.
- Petrovic V. (2015) Slobodan Milosevic in the Hague: Failed Success of a Historical Trial. In: Tismaneanu V., Iacob B. (eds.) Remembrance, History and Justice. B.: Central European University Press, pp. 295–310.
- Ponte K. del, Sudetich C. (2008) Okhota. Ya i voennye prestupniki [The Hunting. I and the War Criminals], Moscow: Eksmo. (In Russian).

- Sassoli M., Buv'e A. (2009) *Pravovaya zashchita vo vremya voyny* [The Legal Defence During the War]: In 4 vol. / Vol. IV. M.: MKKK.
- Stahn C. (2019) *A Critical Introduction to International Criminal Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Scharf M. (2019) *Combatting Chaos in the Courtroom*. In: Sterio M., Scharf M. (eds.) *The Legacy of Ad Hoc Tribunals in International Criminal Law*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 286–304.
- Scharf M. (2016) *Slobodan Milosevic*. In: Schabas W. (ed.) *The Cambridge Companion to International Criminal Law*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 295–311.
- Scharf M., Schabas W. (2002) *Slobodan Milosevic on Trial: a Companion*. N. Y. – L.: Continuum.
- Schomburg W. (2011) *Some Reflections on the Right to Self-Representation before International Tribunals*. ERA Forum, no. 12, pp. 189–195.
- Schomburg W. (2009) *The role of International Criminal Tribunals in Promoting Respect for Fair Trial Rights*. *Northwestern Journal of International Human Rights*, vol. 8, no. 1, pp. 1–29.
- Sharyy A. (2003) *Tribunal* [The tribunal], Moscow: Prava cheloveka. (In Russian).
- Steinitz M. (2005) "The Milosevic Trial – Live!". *Journal of International Criminal Justice*, vol. 3, no. 1, pp. 103–123.
- Stolk S. (2018) *A Sophisticated Beast? On the Construction of an 'Ideal' Perpetrator in the Opening Statements of International Criminal Trials*. *European Journal of International Law*, vol. 29, no. 3, pp. 677–701.
- Vorozhejkin E. M. (1958) *Sudebnye Rechi Izvestnykh Russkikh Yuristov* [The Trial Speeches of Famous Russian Lawyers]. M.: Gosyurizdat. (In Russian).
- Tochilovsky V. (2004) *International Criminal Justice: "Strangers in the Foreign System"*. *Criminal Law Forum*, no. 15, pp. 319–344.
- Tochilovsky V. (2014) *The Law and Jurisprudence of the International Criminal Tribunals and Courts*. Cambridge: Intersentia.
- Tulupova E. O., Demidova T. K. (2023) *Uchastie advokatov v Nyurnbergskom protsesse* [The Participation of lawyers in the Nuremberg Trial]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, vol. 27, no. 7, pp. 133–145. (In Russian).
- Ushacka A. (2009) *MUS i pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo* [ICC and the Right to a Fair Trial]. In: Bogush G. I., Trikoz E. N. (eds.) *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: sovremennye problemy* [The International Criminal Justice: the Current Problems]. M.: IPIPP, pp. 275–294. (In Russian).
- Wladimiroff M. (2012) *Rassuzhdeniya o statuse zashchitnika v mezhdunarodnykh sudebnykh razbiratel'stvakh* [A Defence Counsel's Reflection on International Trials]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 62–70. (In Russian).
- Zahar A. (2008) *Legal Aid, Self-Representation and the Crisis at the Hague Tribunal*. *Criminal Law Forum*, no. 19, pp. 241–263.